

Полустанок в каменных джунглях

Лирическая комедия в 3-х действиях

Действующие лица

Бэлла (в 1-м действии 20 лет, во 2-м - 21, в 3-м - 35)

Дмитрий (в 1-м и 2-м действиях 21 год, во 3-м - 36)

Виктория Марковна – мать Бэллы

Анна Петровна – мать Димы.

Действие первое

Комната Бэллы в московской квартире. Беспорядок сборов к переезду. На полу кучами навалены книги, журналы, одежда. Из магнитофона слышна песня («Альпинисточка»). На диване сидят и страстно целуются Бэлла и Дима.

*Разгонит солнце скоро туман на дне долины,
А нашему отряду в маршрут итти с утраю
Ты любишь только горы, их снежные вершины,
Крутые водопады, да песни у костра.*

*У тоненькой девчонки штормовка с ледорубом,
Ей спать в палатке тесной, таскать большой рюкзак.
Упрямо сжаты тонкие, обветренные губы,
Насмешливо и дерзко прищурены глаза.*

*Протоптано немало, то тропами, то в связке,
Но где б ни шли с тобой мы – по скалам, иль по льду,
На горных переправах, на траверсах опасных
Могла ты быть спокойна, что я не подведу.*

Бэлла: Ты меня любишь?

Дима: Да.

Бэлла: Ты меня любишь?

Дима: Да. Очень люблю.

Бэлла: Лучше бы ты сказал просто «люблю». Я бы больше поверила. «Очень люблю» - это про мороженное.

Дима: Я тебя просто люблю, Белка. Ты хочешь, чтобы наша любовь сохранилась, когда ты уедешь?

Бэлла: Я хочу, чтобы наша любовь осталась навсегда.

Дима: Тогда у нас должно все быть. Сейчас же.

Бэлла: Сейчас же придет мама. Ты что, сумасшедший?

Дима: Ты в своей комнате. Взрослый человек. Мы закроем дверь.

Бэлла: Дверь не закрывается на замок. Я буду кричать и стонать, и мама влетит сюда спасать мою честь.

Дима: Я закрою дверь стулом. Пусть она услышит девичий крик, переходящий в женский стон. Я хочу, чтобы это было сейчас, если ты уверена, что наша любовь должна остаться навсегда.

Бэлла: Да, я как все женщины, хочу все от единственного мужчины. А ты, как мужчина, хочешь одного, но, конечно, от всех женщин.

Дима: Мы зря теряем время. Тебя раздеть, или ты сама?

Бэлла: Сегодня это невозможно. Мы только вчера похоронили дедушку.

Дима: Ах, бабушку! Мы будем медленно и печально.

Бэлла: Не дури. Для меня это все очень серьезно. Так меня воспитала мама, потому что она влюбилась в какого-то прощальгу, да и родила меня. А я этого отца никогда и не видела.

Дима: Ты мне не веришь. Держишь меня за какого-то прощальгу?

Бэлла: Я всегда буду принадлежать только тебе, милый мой. Я скоро вернусь, или ты приедешь в Израиль. И все будет так, как ты захочешь. Любим из ста пяти способов, которые ты показывал мне в этой индийской книге.

Дима: «Кама Сутра».

Бэлла: Кому «Кама Сутра»? А кому с утра.

Дима: Белка! Ты что, издеваешься надо мной? Доведешь меня до изнасилования.

Бэлла: 8 лет строгого режима. Но я все равно буду ждать тебя из тюрьмы, милый мой.

Голос матери за дверью: Бэллочка! Ты ходила в милицию за справкой?

Дима: Справка о девственности?

Бэлла (слезая с дивана): Мама! Сегодня паспортный стол только с 4-х.

Дима: Ну все! Ты еще об этом пожалеешь. Иди в милицию.

Бэлла: Не волнуйся, сегодня я еще не заявлю там о твоих сексуальных домогательствах.

Дима: Прощайте, Бэлла Исааковна. Пишите письма, но не забудьте наклеить марки. (*Уходит, хлопнув дверью*).

Звучит продолжение песни «Альпинисточка».

Вернемся из маршрута, я сдам на склад палатку,

До будущего года, штормовку, котелок.

Осталась только дружба, да с песнями тетрадка,

Да то, о чем в походе сказать тебе не смог.

Мы встретимся не скоро. Ребята ждут в машине.

И нам прощаться надо. Пока, тебе пора.

Ты любишь только горы, их снежные вершины,

Крутые водопады, да песни у костра.

Входит мать.

Бэлла (растерянная и опустошенная садится обратно на диван): Мама, я никуда не поеду.

Мама: Но сейчас пятый час, паспортный стол уже открылся. Мы должны срочно выписаться.

Бэлла: Мама, я не могу ехать с тобой в Израиль, я потеряю Диму. И потом, что за дурацкие правила? Почему мы должны выписываться из своей квартиры? Почему мы должны платить бешенные деньги за право переехать в другую страну?

Мама: Они говорят, что эти деньги мы должны вернуть государству за бесплатное образование.

Бэлла: С моего образования они получают больше дохода, чем от коровы. Надо подсказать Госплану, что разводить и учить евреев выгоднее, чем коров.

Мама: Я слышала в троллейбусе, что этот налог скоро отменят. Действительно, глупость какая-то.

Бэлла: От кого ты это слышала в троллейбусе? Может быть Хрущов с Микояном разговаривали между собой в этом троллейбусе? Наверно чувствовали, что их дети будут эмигрировать. Хотели, чтобы эмиграция обошлась им подешевле.

Мама: Не болтай глупости! Как могут эмигрировать дети самых главных коммунистов страны? И потом, члены политбюро в троллейбусе?

Бэлла: Значит слухи о свободной эмиграции из СССР сильно преувеличены. Я шучу, мама. Только я остаюсь на родине.

Звонок в квартиру. Мать идет открывать. Звонок телефона. Бэлла берет трубку.

Бэлла: Да. Ах, это ты. Я все равно не могу это сделать по телефону. *(Пауза)*. Как я могу не впустить и не слушать свою будущую свекровь? *(Пауза)*. Это ты можешь с ней не соглашаться. Пока. А мне интересно, что она скажет. Потому что это она будет говорить всю мою последующую жизнь. *(Пауза)*. Нет. Я бы предпочла в обратном порядке: сначала свадьба, а ребенок потом.

Входит мать Димы и мама Бэллы.

Мама Бэллы: Вот, Бэллочка, познакомься. Анна Петровна, мама Димы. Она хочет поговорить с нами.

Бэлла: Очень приятно. *(Подает руку)*.

Мать Димы (Руки Бэллы «не замечает»). Садится на стул:

Мама Бэллы: Может быть чаю? Я пойду приготовлю.

МД: Обойдемся. *(Бэлле)* Мне Дима много о тебе рассказывал. В восторженных тонах. Но я вижу, ничего особенного.

Бэлла: Что же может быть особенного с первого взгляда?

МБ: Может быть все же я поставлю чай?

МД: Не нужно. Особенное в том, что Дима, как вы, наверное, знаете, учится в Институте международных отношений. У него отец был дипломатом, и его карьера predetermined. Извините за откровенность, но вы не можете не знать, что он не должен жениться на еврейке. Тем более, что вы решили эмигрировать в Израиль. Вы что, не понимаете всех последствий этого шага для Дмитрия?

Бэлла: Да кто ж его заставляет жениться? Он хотел просто переспать со мной, а разве это противопоказано дипломатической карьере? Разговор о женитьбе – это так, для поддержания отношений.

МБ: Да что вы такое говорите? У меня Бэлочка не так воспитана. Как это можно? Девочка остра на язык, но я держу ее в строгости.

МД: Вот и держите. А я уже подобрала для Димы невесту. Из хорошей русской семьи. Даже непьющей.

Бэлла: Не может быть! Вот повезло, так повезло!

МД: Я понимаю твою иронию, но только хочу предупредить, на всякий случай, что у Димы в этом отношении плохая наследственность от отца. Так что поезжай себе, куда собралась.

Бэлла: Не беспокойтесь. Это все пройдет у Дмитрия. И пусть не пишет мне, а то ведь, знаете, письма в Израиль могут разрушить его карьеру хуже алкоголизма.

МД (поднимается): Ну вот и ладно. Дима говорил, что ты девочка смышленная, с понятием. Прощайте. Счастливого пути. *(Уходит)*.

Бэлла (бросается на диван, закрывает лицо руками): Поехали, мама. Тебе повезло. Я еду.

МБ: Не переживай, девочка. Ты молодая, красивая, умница. У тебя все еще будет в жизни – любовь, и не одна, семья, дети. Мы едем в прекрасную, обетованную страну. Мы будем получать там пособие, на которое можно жить, даже если не устроишься работать. *(Начинает собирать и укладывать вещи).*

Бэлла: Что делать, мама? Что бы ты пожелала себе, если бы тебе было 19 лет, а любимый человек тебя предал?

МБ: Что пожелать, если бы мне было 19? Ничего больше. 19 – это так прекрасно, что большего желать не приходится.

Бэлла: А что же делать с Димой? Ведь здесь сейчас был не он, а эта ведьма.

МБ: Ну ты ему будешь писать письма. Все письма из Израйля читают в КГБ. И его обязательно выгонят из его международного института после третьего письма. Мне рассказывали такой забавный случай. Племянник поэта Михаила Светлова, Леонид Либерзон, эмигрировал в Израиль. Оттуда он начал писать благодарственные письма главной антисимитке своего бывшего института – начальнице отдела кадров. Ее выгнали с работы после третьего письма, несмотря на то, что она сама сдавала их в КГБ и каялась.

Бэлла: Я не могу писать Диме благодарственные письма, мама. Я люблю его. Очень.

(Занавес)

Действие второе

Сцена разделена пополам, освещается то левая (где сидит Бэлла), то правая часть (где стоит Дима). Они читают письма.

Дима (голос Бэллы): Милый мой! Люблю тебя. Здесь все такое маленькое, ненастоящее, временное: и эта страна, как полустанок на дальнем пути, и квартира, в которой мы с мамой живем, и деньги, которые нам платят, и вещи, которые нам дают местные жители. Теперь я понимаю, что твой приезд сюда невозможен. Здесь существуют какие-то средневековые законы, по которым не-еврею здесь жить невозможно, Таков парадокс местной демократии. В СССР зеркальная ситуация существовала, по крайней мере, неофициально. Когда меня не приняли в Институт, можно было возмущаться и искать справедливости. Почему я не отдалась тебе там? А здесь это невозможно – всеобщее, самое искреннее осуждение на национальной почве.

Бэлла (голос Димы): Белка! Люблю и тоскую. Недавно в моей жизни произошел поворот, который дает призрачную надежду на нашу встречу. Не могу написать прямо, но ты догадаешься. Мне снова сделали предложение о сотрудничестве, обещая в будущем многочисленные выезды за рубеж. Ты помнишь, я тогда не согласился, но теперь это связано с моей учебой в институте, будущей зарубежной работой, а следовательно с возможностью встретить тебя в другой стране. Я подписал. Обнимаю тебя. Целую . . .

Дима (голос Бэллы): Димка, дорогой! Подписано, так с плеч долой. Я страшно занята: учу язык, подрабатываю на уборке, готовлюсь поступать в университет. Здесь за все надо платить сполна – работой, временем, деньгами. «На холяву», как

было у нас, по-блату, по телефонному звонку, по анкете, ничего не достается. Я бы тоже подписала что угодно, чтобы быть с тобой. Целую. Твоя Белка.

Бэлла (голос Димы): Белка, родная! Я тоже не бездельничаю. Два языка – английский и французский. Ездить в институт далеко, а транспорт так набит, что в дороге не считаешь. Стою в поезде метро, зажатый со всех сторон, и думаю: - Как так получилось, что ты влюбилась в меня? Это моя самая большая удача в жизни.

Дима (голос Бэллы): Как же ты не помнишь? А я навсегда запомнила твои стихи:

Когда ты сбудешься?
Когда ты влюбишься?
Я больше не хочу в автобусах,
Я больше не могу на улицах
Ласкать глазами твои волосы. . .

Бэлла (голос Димы): Белка! Напиши мне подробнее, как складывается жизнь, что читаешь, что делаешь. Ты, конечно, хорошо представляешь себе мою жизнь, потому что знаешь мой мир, мои дела с утра до вечера, до того момента, как я сваливаюсь в постель и мгновенно засыпаю. *Дима (голос Бэллы):*

Теперь я вижу из окна
Три кипариса, дом и море.
За ним Россия не видна,
А может быть она не в створе.
Лиха, огромна и странна, *(начинается музыка)*
Но коротать мне, видно, век с ней.
Россия - это не страна,
Она – история болезней.
И слышу, будто бы сквозь сон,
Мне земляки твердят, напившись,
Что я бежала за кордон,
И не простив, и не простившись.
И жизнь там – горе от ума
Средь нищих, психов и нетрезвых.
Россия - это не страна,
Она – история болезней.
Скажи, какой еще народ
Снесет без стога, без боязни
Пожар в избе, то недород,
То войны, грабежи иль казни.
Ты что творил там, Сатана,
Задрав занавес железный.
Россия - это не страна,
Она – история болезней.
Тебя прославили, любя,
Полуеврейские таланты,
Сложили песни про тебя
Космополиты-музыканты.
Тебя я вижу из окна,

И отречься бесполезно.
Моя Россия - не страна,
Моя история болезни.

Дима (голос Бэллы): Димка! Почему не пишешь? Что случилось? Я просто в отчаянии.

Бэлла (голос Димы): Белка! Не сердись. Мы почти на месяц уезжали в колхоз, а из деревни писать невозможно: я почти не был один, много пили самогону, почта не принимает зарубежных посланий. . .

Дима (голос Бэллы): Не уверена, что я буду еще жива, когда ты получишь это письмо. Маму жаль. Только ради нее. . .

(Затемнение. Занавес)

Действие третье

Прошло 12 лет. Кабинет секретаря Советского посольства в Канаде. Песня по радио «Молитва атеиста». За столом сидит Дмитрий. Он в официальном костюме с галстуком. Перекладывает бумаги, что-то пишет. Звонок телефона.

Дима (поднимает трубку внутреннего телефона): О-кей! Госпожа Дрейфус? По вопросу научного обмена исторической информацией? Ну если так сказала, значит так.

Стук в дверь. Дима поднимается и идет навстречу посетителю.

Дима: Come in, please! I am glad to see you. *(Входит Бэлла. Она красиво и строго одета)* Входите, пожалуйста!

Бэлла: Я случайно узнала, что ты работаешь здесь, и случайно оказалась в этом городе. Как ты живешь?

Дима: Нормально. Работаю. Жена Ольга. Дочь Елена. 12 лет.

Бэлла: Понятно. Значит тогда же в колхозе и женился. Она была скотницей или дояркой?

Дима: Нет. Из нашей же группы студентка. Чтобы ты не мучилась догадками, дочь дипломата. А ты как?

Бэлла: Можно мне присесть? *(Садится в кресло).* А у меня муж Victor. Сын Дима. Так удобнее, не проговорюсь во сне.

Дима: Прекрасная идея. Жаль, что она не пришла мне в голову раньше.

Бэлла: Не было нужды. Идеи возникают по мере необходимости.

Дима: Зря ты меня упрекаешь. Ведь и ты, как я понимаю, давно замужем. Родила ребенка.

Бэлла: Боже сохрани! За что мне тебя упрекать? Ведь это я виновата, что мой ребенок не от тебя. Ты так хотел, а я не далась. Хочешь? Я согласна хоть сейчас. *(Расстегивает верхнюю пуговицу костюма).* Поможешь, или я сама?

Дима: Не сходи с ума. Это же Посольство. Здесь стены имеют уши.

Бэлла: Но мы будем тихо и печально, как ты тогда предлагал.

Дима: Я жду нового назначения, не стоит рисковать ради минутной слабости.

Бэлла: Ну если у тебя слабость, тогда не стоит. *(Застегивает пуговицу костюма).*

Дима: Белка! Я ужасно рад тебя видеть. Я понимаю, это все шутки в твоём репертуаре. Слава Богу, ты не ушла в монастырь. Раз можно выйти замуж не по

любви, то почему не для материального благополучия, а раз можно за материальное благополучие, значит можно и за деньги.

Бэлла: Не волнуйся, тебе это не будет стоить ни цента. Так, для здоровья. Я бы хотела избавиться от комплекса неполноценности моей сексуальной жизни.

Дима: Я понимаю, твоя мама уже сюда не войдет «на самом интересном месте». Но я не могу запереть здесь дверь стулом. Тут не такая ручка, как в твоей московской комнате. *(пауза)*. Кто у тебя муж?

Бэлла: Бизнесмен. Средней руки. Канадец. По национальности чех.

Дима: Прекрасно. Я могу пригласить тебя с мужем на прием в посольство через две недели. Познакомлю с женой. Может быть, сможем организовать еще какую-то встречу.

Бэлла: Не стоит. Знаешь рассказ Джека Лондона «Когда Боги смеются». Там показано, что когда нет возможности, пропадает желание, а когда пропадает желание, кончается и любовь.

Дима: Но ведь что-то остается. Ты кажется пришла *(заглядывает в записку)* «По вопросу научного обмена исторической информацией». Историческая информация нетленна.

Бэлла (встает): Good bye. Жаль, что мы не можем даже поцеловаться на прощание.

Дима (подходит к ней): Ну почему же? *(Страстно целуются. Звучит песня «Альпинисточка». Занавес)*
